

Слово о Владе

Москва
Издательство «БПП»
2000-2009

Александр Ильин

Главный редактор газеты «Правда» 3

Валерий Рогов

ПОД СЕНЬЮ ПУШКИНА! 4

Леонид Сергеев 8

Михаил Ишков 10

Валерий Шашин 11

Александр Ильин
Главный редактор газеты «Правда»

Владислав Егоров не любил слово «мы», не любил, когда кто-то говорил: «Вот мы тут с Владом...» Он отвечал обычно: «Ты — это ты, а я — это я». По крайней мере, это не раз доводилось слышать. И в то же время он был человек компанейский, иногда резковатый, но всегда чуткий к друзьям, к близким.

Летом 2000-го, на исходе века, Слава, не без труда преодолевая свои тяжкие болезни, приходил, как только выдавалась свободная минутка, ко мне в больницу — всегда с пусть очень скромным, но подарком. Когда вскоре болезнь ударила по его сердцу, я, увы, не смог к нему вовремя приехать...

Влад — из тех писателей, после которых остаются не только талантливые книги, но и добрые друзья. Этот сборник, издаваемый в память ему близкими людьми с такой искренностью и любовью, — знак ныне столь редкого дара верности в дружбе.

Ему, как немногим, удалось не просто оставить свой след в литературе; ему удалось создать особый художественный мир — будь то его житейская, лирическая проза или сатирически выстроенный в воображении писателя, но такой реальный город Обрядовск с его легко узнаваемыми современниками затюканно самодовольными обитателями.

Надеюсь, и будущие читатели по книгам Владислава Егорова смогут узнать, как в наше время жили простые люди на земле, как страдали от вечного самодурства и бессмертной бюрократии, сравнить со

своим временем и подивиться: до чего же все верно подмечено — как будто списано с их жизни!

Валерий Рогов
ПОД СЕНЬЮ ПУШКИНА!

Влад Егоров принадлежал к поколению военных мальчишек, поколению очень ранней самостоятельности, которое умело принимать решения и своими успехами обязанное только себе. У Владислава Викторовича был большой литературный талант, и многие, годы он щедро тратил его на изнуряющие газетные публикации, пока однажды не ощутил неизъяснимую прелесть художественного творения.

Первая его книга вышла в 1984-м году в издательстве «Современник» — «Вчерашние истории», а вторая через год в издательстве «Советский писатель» — «Путь к вершине». Книги оказались достаточно непохожими друг на друга, и потому они сразу определили близкие сердцу Влада направления творческого поиска.

Первая — это сборник повестей и рассказов, написанных в классическом стиле, продолжающем великие традиции отечественной словесности, вторая — с подзаголовком «Собрание иронических сочинений» — выделялась неожиданной новизной, непривычностью жанрового наполнения, смелой сатирой на социалистическую действительность — я лично, читая рукопись, смеялся от души! — но по цензурным соображениям была почти непроходимой.

Впрочем, тогда много говорилось о нужности советских Салтыковых-Щедриных, чтобы встряхнуть и высветить обывательское болото — тупость, подлость, зависть, безделье, — однако в гротескно-разоблачительную тематику никто не углублялся, а пробавлялись, как и поныне, смехоюмором от Одессы-мамы. И вдруг салтыков-щедринская ирония и сатира — и в «мемуарном триптихе» под заголовком «Былое», и в неповторимых «Знаменательных буднях райцентра Обрадовска». Было странно и удивительно...

Сотворенный Владом Егоровым «обрадовский цикл» признан явлением в русской прозе 80-х и начала 90-х годов и, без сомнения, заслуживает самого серьезного литературоведческого осмысления, такая проза не стареет и не исчезает бесследно.

Вообще, жаль, что мы медлительны и ленивы воздать должное писателю при жизни, а она ведь так скоротечна...

Перечитывал два десятилетия спустя «Путь к вершине» — в том же весело-радостном восхищении, — как позвонили, чтобы сообщить прискорбную весть: еще один из нас скоропостижно умер от обширного инфаркта — Володя Ватутин, с которым вместе — и я, и Влад — начинали журналистскую жизнь в «Труде». Н-да...

Ныне, спустя годы, я горжусь тем, что принимал непосредственное участие в издании замечательного «Собрания иронических сочинений» Владислава Егорова и присутствовал при его изначальном восхождении к массовому читателю. Да, горжусь, что, несмотря на железобетонные заслоны и трусость так

называемых руководящих верхов книга «Путь к вершине» все же увидела свет...

Владислав Егоров был личностью, человеком обаятельным и принципиальным, — притягивающим, примагничивающим к себе людей самых разных. Он умел объединять и возвышать: и друзей, и всех тех, с кем общался. Его любили и дорожили приятельскими, дружескими отношениями. Эта личностная светлость натуры отражена и в его прозе, особенно в повестях и рассказах, которые он, между прочим, опять же создавал на особинку, непохоже ни на кого, взяв за правило изображать не ярких героев, а простой люд, тех из народа, кто умеет возвышаться над обыденностью, кто совершает невероятные поступки, чтобы навсегда врезаться в память современников. В этом тоже была новизна его прозы: он удивлял не героями, а их поступками — и сам был таковым!

Вспомним хотя бы рассказ «Букет красных роз», давший название последней его книги, составленной им самим. В этом рассказе выпукло обозначено мирозерцание Влада: волнительная высота чувств и строгое разумение житейского, общественного долга. Однако Влад не предстает завзятым, лукавым моралистом. Он убежденно нравственен и безукоризненно совестлив, а без этих стержневых понятий человек, в общем-то, не бывает достойным.

... Мне, как редактору книги «Путь к вершине», особенно памятен итоговый момент: тот неустойчивый денёк, который мы с автором провели вместе, — 22-е августа 1985 года. Денек был то насупленно-хмурым, проливая хладный дождь, то вдруг распахивалось

безграничное небо и наружу вырывалось лихорадочное святилище, тут же превращая лужи в дымно сверкающие зеркала — блёсткие, слепящие, а мы с Владом, по его настоянию, сидели на мокрющей скамье у памятника Александру Сергеевичу Пушкину. Влад держал на коленях большую стопу первых тиражных экземпляров так трудно выходившей книги, только что приобретенных в центральном книжном магазине на улице «прозаика Пешкова», как мы именовали шутливо улицу Горького.

Александр Сергеевич, чуть наклонив голову будто бы поглядывал на нас сбоку, прежде всего на Владислава Викторовича с его бесценной стопой, и я, догадавшись, что совсем неслучайно мы оказались в этом месте, то есть под сенью Пушкина, рассмеялся и произнес нечто вроде того, что, мол, ну похвастался — и хватит! Он слегка смутился, но ответил убежденно: «Не торопись! Всё будет как надо». Вскоре он ласково окликнул двух проходивших мимо симпатичных девушек: мол, можно вас на минутку. Они недоуменно пожали плечами, но подошли. Влад раскрыл обложку, на обороте которой был его портрет — в искренней, веселой улыбочивости. «Похож?» — кратко поинтересовался он. «Ой, неужели вы автор?» — удивилась одна из девушек. «Он самый, — гордо отвечивал Влад, — и хочу подписать вам свою только что вышедшую книгу. — И с сокровенным значением добавил: — Собрание иронических сочинений».

Потом Владислав Викторович в присутствии все время поглядывающего на нас Пушкина подписывал экземпляры — молодым и старым москвичам и таким

же гостям столицы, и это было очень приятное, счастливое занятие. Наконец стопа иссякла, и тогда обстоятельный, все заранее продумывающий Влад Егоров достал из полиэтиленовой сумки тяжелую флягу, бумажные стаканчики и завернутые в салфетки бутерброды. «Ну вот, — сказал он, — думаю, Александр Сергеевич нас не осудит. Да, — подтвердил он, — если мы скромно отметим малое приобщение к великой русской литературе». Я посмотрел в лицо чуть склоненного Пушкина и пошутил: «Да, пожалуй, он и сам не прочь присоединиться!» Влад умиряюще произнес: «Он всегда предпочитал шампанское, а мы ведь по-простецки...»...

Мы рассмеялись. В те времена все мы умели ценить жизнь и радоваться своим малым достижениям. Оттого-то, думается, и страна наша значимо присутствовала в мире.

Леонид Сергеев

Владислав Егоров был писателем сатириком, продолжателем традиций Салтыкова-Щедрина, Козьмы Пруткова и, в отдаленном плане, — Грибоедова, Гоголя. Как известно, сатира — крайне сложный жанр, в котором легко впасть в шаблонный набор приемов, банальщину и фальшивость. Я убежден, именно этим и отличаются современные сатирики в нашем Отечестве. Понятно, большинство из них нерусские (только «русскоязычные», как они говорят), да еще оголтелые «демократы», и, без сомнения, потому-то их

произведения и пропитаны желчью, злорадной насмешкой, неприкрытым презрением к русскому народу. Собственно, все их творчество выглядит как один длинный антирусский анекдот (часто откровенно пошлый), преследующий четкую цель — издевательства над нашей страной («этой», как они говорят). Не случайно герои их произведений — сплошь русаки-глупцы, непросыхающие пьяницы и дебоширы (разумеется, герои соплеменники — все как один непьющие, остроумные, доброжелательные). И это делается с ядовитым умыслом — вселить в наш народ комплекс неполноценности, чтобы он, обворованный и униженный, не поднимал головы. Сейчас, в разбойничье время, «мастера» сатиры заполнили всю эстраду, их сборища ежедневно показывают все телеканалы, в издательствах том за томом выходят их сочинения, но у любого более-менее подготовленного читателя, такое чтение не вызовет не только смеха, но и улыбки, а у знакомого с Салтыковым-Щедриным, Чапеком, Гашеком вызовет отвращение.

Я нарочно так долго задержался на современных сатириках, чтобы из их среды выделить Егорова, который никогда не выпячивался, никуда не лез, и вообще был скромным, деликатным человеком. Егоров — истинно русский писатель и, в отличие от ныне процветающих сатириков, показывает нелепости нашей жизни в мягкой ироничной форме. Некоторые его вещи — даже не сатира, а грустная усмешка, за которой видна боль за нашу страну.

Долгое время Егоров работал журналистом и только в зрелом возрасте серьезно занялся

литературой. Естественно, о творческом человеке надо судить по его лучшим работам, — поэтому перечислю рассказы Егорова, которые, без преувеличений, можно назвать первоклассными: «Пасхальные яйца», «Собачья жизнь», «Молитва», «Рай». К сожалению, они — последнее, что написал Егоров. Самое горькое — именно, когда он отточил мастерство и у него появилась своя манера, когда он наметил написать дюжину новых рассказов и издать книжку за свой счет, тяжелая болезнь оборвала его жизнь. Не последнюю роль в его смерти сыграли и события последних лет — он остро переживал разрушение нашей страны, ведь был подлинным патриотом, каких сейчас мало.

Хочется порадоваться за друзей Егорова — Александра Алексеевича Ильина и Валерия Ивановича Шашина, стараниями которых эта книга увидела свет. Есть поверие — друзья и ученики должны доделать то, что не успел сделать мастер, иначе его душа не успокоится. Если это так, теперь душе Егорова будет спокойно.

Михаил Ишков

Я познакомился с Владом в последние годы его жизни, на его взлете — так я бы отозвался о его последних публикациях. На эти же годы пришлись смута, падение нравов и развал отчизны, и, может, благодаря Владу, мне удалось сохраниться в тех рамках, в которых и должен оставаться гражданин и патриот.

Есть убеждения и убеждения. Пусть эта истина и кажется избитой — в скольких пошло-насмешливых

вариантах она повторяется теперь, — все равно только осознанная и крепкая вера во что-то более возвышенное и отличное от собственных шкурных интересов, придает человеку отсвет человечности. Во всем! В поступках, в общении, разговорах по душам, в неких потаенно романтических мечтах на восстановление родины, в неких мистических надеждах «состояться» в полном согласии с Символом Веры — может, вчитаются, примут, — в снисходительно-непримиримом отношении к подлостям нового времени.

С таким человеком, как Влад, было и легко, и трудно. Точнее, дружить легко, общаться трудно. Он при встречах по большей части помалкивал, подавал голос реже, чем следовало. Когда я спрашивал его, советовался с ним — а спрашивал и советовался, к сожалению, не так часто, как бы надо — ответ отыскивался не скоро, но всегда. Нельзя сказать, что мы были единомышленниками, скорее — единове́рцами. Такие люди не забываются. С течением дней Егоров, человек-глыба, все более предстает в памяти неким сказочным оракулом, камнем на распутье. Послушаешь его — и сразу становится ясно, что ждет тебя, если свернешь направо, пойдешь налево, выберешь средний путь...

Признаюсь, я порой и теперь застаиваюсь возле этого «камня», спрашиваю, жду...

Валерий Шашин

Когда к человеку, прежде всего, относишься как к человеку, а не как к специалисту в той или иной области, то вроде бы и не важно, каких высот он достигает на своём профессиональном поприще. Главным становятся не его достижения и успехи, а то, что тебе с этим человеком приятно общаться, сосуществовать вместе. Это означает, что для тебя он — безусловно хороший человек, а если это убеждение еще и разделяют другие, то определение «хороший» делается основополагающей его характеристикой. Однако существует выражение «хороший человек — не профессия». Оно родилось, конечно же, в среде крутых профессионалов, где человеческие качества не могут ни подменять, ни извинять конечный результат чего-либо содеянного. В этой среде сплошь и рядом в ходу суждения «хороший человек, но бездарь», и наоборот, «дрянь человек, а в мастерстве не откажешь». К сожалению, подобного рода суждения и оценки применяются повсеместно. При этом профессиональные навыки, пожалуй, перевешивают человеческие достоинства. Даже среди родных и близких человек начинает оцениваться с точки зрения его общественно-материальных достижений, ну а душевные качества отходят на задний план, ступеньками и затемняются. Что ж, в наше сугубо прагматичное и меркантильное время (а бывали ли времена иные?) такое отношение, конечно же, не в диковинку — быть просто хорошим человеком явно недостаточно, нужно еще и профессионально соответствовать. В сущности, одно другому вроде бы не мешает, однако, положи руку на сердце, о многих ли

можно сказать: «и душа прекрасная и мастер отменный»? О Владиславе Викторовиче Егорове так сказать было можно. И при его жизни, и после смерти.

Эти слова — не поминальная здравица, это констатация факта. Смерть обостряет наше отношение к ушедшему, проявляет нам его истинную подлинность. Негатив жизни приобретает фотографическую четкость, и только тогда — воочию! — видишь истинность дорогого лица, настолько же знакомого, сколько и нового, ибо только теперь с прискорбием понимаешь, что за каким-то глупым и беглым недосугом никогда не вглядывался в него по-настоящему. Что ж, это воистину так, и недаром Бердяев где-то обронил ненароком, что «в сущности, мы к живым должны относиться как к мертвым». Конечно же, философ был прав, прав хотя бы в том, что хорошие люди, как правило, не добирают любви и внимания при жизни.

Я не хочу сказать, что Влад не добрал внимания. Нет, слава Богу, он был счастлив и в семье, и в своей работе. То, что он хороший человек, в этом не сомневались даже негодяи. С признанием же его литературных талантов дело обстояло не столь однозначно. Владислав Викторович любил вспоминать уничижительно-разгромную рецензию на его первую книгу в «Советском писателе». Рецензент не только не оставлял ему каких-либо надежд на издание, но и с размаху советовал автору вообще навсегда оставить литературу. К счастью, вторая рецензия (Олега Васильевича Волкова) оказалась прямо противоположной первой. Особенно же нравилось Владиславу Викторовичу то, что впоследствии первый

рецензент, никак не идентифицируя его с тем «зарубленным» Егоровым, свёл с ним вполне дружеское знакомство и даже горячо хвалил за (не помню какой — В. Ш.) рассказ. Владислав, дабы не конфузить незадачливого рецензента, так ему и не открылся.

Другой казус произошел уже в перестроечное время. Из одного издательства Владу была прислана анкета, согласно которой его рассказы не отвечали ни одному предъявляемому требованию, то есть во всех многочисленных графах анкеты, типа — сюжет, язык, композиция, характеры — стояли сплошные прочерки-минусы. Самое забавное же заключалось в том, что данную анкету разрабатывал по поручению издательства близкий товарищ Владислава, который высоко ценил и Влада-человека и Влада-писателя.

Смех смехом, а казусы подобного толка не проходят бесследно. Каждый творческий человек, получивший, казалось бы, даже и признание миллионов, всегда бывает огорчен язвительной репликой или ругательным отзывом какого-нибудь пусть даже и шального и эпатажного одиночки. Проходят годы и годы, прежде чем вырабатывается защитный иммунитет от глупой критики, недоброжелательства и просто хамства, да и то... попробуйте представить, что над вашим ребенком, в котором вы души не чаете, начинает кто-то изгаляться? А ведь писатель, да и любая творческая личность в таком положении именно и пребывают на протяжении всей своей жизни.

Не менее обидно задевает и отсутствие внимания. Писателю необходима обратная связь, диалог с читателями, а ими порой не становятся даже близкие люди, которые пивком с тобой побалуются с удовольствием и не раз, а книгу или рукопись даже не откроют — «чего открывать-то? ты у нас и так классик». А если даже и откроют, и прочтут, и скажут: «спасибо, старик, мне понравилось», то, как знать, похвалили взаправду или из вежливости?

Но такова писательская «се ля ви», и Владу в ней досталось и того, и другого, и третьего. Не было только одного — широкого признания читательских масс. А он этого признания хотел (как каждый пишущий), и он этого признания заслуживал. Но не получил.

В общем-то, оглядываясь на нашу несуразную и во многом перевернутую жизнь, это более чем закономерно. Влад-человек и Влад-писатель существовали в неразрывно-целостном единстве, определение которому — порядочность. Но кому же неизвестно, что удивляют не порядочностью и воспитанностью, а совсем даже наоборот. А наоборот Влад не мог. Не мог настолько, что никогда даже и не тщился. Поэтому его рассказы казались пресноватыми. Гурманам от литературы, а равно и приученным к разным патологиям и аномалиям читателей, в них не хватало перчика и клубнички. Но откуда же им было взяться, если писатель Егоров делал своими героями очень простых, можно сказать даже, заурядно-приземленных людей. Но в отличие от Гоголя и тем более Чехова, чьи «маленькие люди» вызывают едва ли не презрительную жалость, герои Владислава Егорова

приобщают к высоте человеческого духа, ибо за простенькой жизнью и бесхитростными рассуждениями открывается вдруг загадка русской души, которая умудряется сохраниться в невинной и спасительной чистоте среди умопомрачительных Содомы и Гоморры. Как, каким образом? — этого писатель не объясняет, но, главное, следуя от рассказа к рассказу, начинаешь понимать, что писатель показывает не отдельно взятые души-исключения, а душу русского народа — смиренную, терпеливую, православную.

Влад не был воцерковленным человеком, но именно христианские качества русской народной души изумляли и вдохновляли его творческое воображение. Он интуитивно, подкожно и врожденно чувствовал, что в жизни побеждают не гераклы и наполеоны, а именно маленькие люди, которые, собственно, и составляют-то народ, рождающий, воспитывающий, выкармливающий и воспевающий своих героев. Обладая парадоксальным и афористическим умом, художественной зоркостью и чувством справедливости, Влад славил закваску и тесто более чем выпеченные из них изделия — торты, пироги и булочки. На его взгляд, и булочки, и герои были вторичным продуктом, тогда как закваске принадлежало, безусловно, первое место. Вот эту попорченную справедливость писатель Егоров и восстанавливал своим неустанным творчеством. Среди его героев нет бунтарей, нет даже возмущенных и обиженных. Егоровские люди принимают собственную жизнь как данность... даже если она собачья... но ни при каких обстоятельствах не теряют души, а это уже есть высшее достоинство, ибо оно позволяет им исполнять

свой человеческий долг в, казалось бы, нечеловеческих условиях и обстоятельствах. Впрочем, фон рассказов Егорова тоже вполне прозаический, реальный, подробно-бытовой, обстоятельный и ужасно знакомый. Фон нашей жизни. Вполне обыденный, рядовой, но и что-то такое в себе содержащий... изюминку! которая, как правило, припасена на конец. В этом — весь Егоров, человек с изюминкой и без червоточины.

Он был многоодаренным писателем, пробовал себя в разных жанрах — в сатире, детективах, баснях, афоризмах, каламбурах. Им был основан город Обрадовск, рождены поэт Гермоген Вакханальевич Новодевичий, пенсионер Павел Петрович Неустроев, чиновник Василий Иванович Сулопаров и другие граждане упомянутого Обрадовска. Сейчас-то уже понимаешь, что писатель создавал свой мир, но, Боже мой, как же он хотел, чтобы мир придуманный и мир реальный слились воедино. Впрочем, для Владислава Викторовича так, наверное, и было. Я помню, как он радовался, когда в аннотации к его книжке (она так и не вышла из-за перестройки), я писал, что авторами книги являются три человека — Гермоген Новодевичий, П. П. Неустроев и Владислав Егоров.

Он любил игру, незлобивую шутку, остроумное замечание. В компаниях не верховодил, но был незаменим. С ним было легко, мирно и надежно.

Последние годы он много болел и, конечно же, думал о смерти. Она подбиралась все ближе, и, не умея умолить её, Влад писал рассказы, в которых смерть была еще одним жизненным обстоятельством, совсем даже и не страшным, и не потому только, что уснул и не

проснулся, а именно — вследствие несомненного бессмертия души. Прямо он об этом не говорил, но за его «уснул и не проснулся» стояло безусловное продолжение, а над письменным столом висела молитва...

Отче наш! Прими и обогрей душу раба Твоего.